

A movie poster for the film '2244'. The background is a dark, cloudy sky with a large, bright full moon. On the left, a young man (Maxim Timenko) is shown in profile, wearing a dark tactical vest and a blue glowing device on his forehead. On the right, an older man (Andrey Shcheglov) with a beard and a fur-lined hood is shown in profile, looking towards the younger man. The title '2244' is written in large, stylized, blue and white gradient numbers across the center. Below the title, the names of the lead actors are listed in white text. At the bottom, there is a tagline in white text.

2244

Максим Тименко Андрей Щеглов

Фантастический боевик о путешествиях во времени
Там, где будущее теряет власть...

Андрей Щеглов
Максим Томилко
2244

<https://litres.ru/74165263>

SelfPub; 2026

Аннотация

24-й век. Луна. Остатки человечества выживают после коллапса Земли. Программист-вундеркинд Тим задыхается в серых тоннелях лунной колонии и мечтает вырваться из-под гнёта надзирателей. Взломав секретную систему, Тим совершает невозможное — прыжок во времени и пространстве с помощью изобретённой пластины перехода. Но вместо свободы он сначала попадает в 19-й век, где его спасает беглый каторжник Митяй, потом перемещение в Африку 17-го века, затем в лихие 90-е 20-го века...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Щеглов, Максим Томилко 2244

Глава 1

Хроника вековой давности, мелькающая на гигантской голограмме, выглядела завораживающей и одновременно странной, необычной. В первую очередь от невероятного количества ярких деталей, совершенно непонятных новому поколению: высоченные здания и толпы пёстро одетых людей под открытым, голубым небом; деревья, выше в несколько раз человеческого роста; странные аппараты, именуемые автомобилями, грузовиками, автобусами и Солнце

Там Солнце было иным. Совсем не таким, каким привык его видеть Тим. В старой хронике оно светило и согревало, что было ясно по довольным лицам прохожих. Здесь же, выход на поверхность, без соответствующей защиты, был равносителен приговору о медленной и мучительной смерти. На Луне радиация не давала иллюзию тепла и счастья, как в мелькавших кадрах.

Тим ненавидел эти еженедельные «уроки значимости и укрепления духа», также как и ббольшую часть зрителей

и надзирателей их блока. Особенно бесили нотки псевдораскаяния, звучащие в голосе диктора: «Ах, как печально, что пятнадцать с половиной миллиардов было уничтожено самой природой, и что надо бережно относиться ко всему, что нас окружает, и бла бла бла»

«Да, конечно, жалко! — размышлял про себя Тим, глядя на сменившуюся ядерными взрывами картинку и последующего за ними колоссального извержения вулкана. — Жалко вам, что все сдохли! Теперь вы хныкаете, что нужно трепетно оберегать те крохи цивилизации, которые у нас остались! Тыфу А как ещё? Та горстка человечества, сумевшая выжить после извержения Йеллоустонского супервулкана в Америке, успела же как-то перебраться на Луну? Успела. А то, что все те гонки вооружений, начиная с каких-то дико древних годов двадцатого столетия, оказались самым банальным прикрытием для разработки этих самых баз на обратной стороне Луны? А? Как вам такое, укрепляльщики духа? Такие же, как вы и толкали всех в пропасть самоуничтожения, а теперь голограммы крутите с тоской о потерянной планете. А вот сваливать все грехи на каких-то там моджахедов, бахнувших ядерными зарядами по супервулкану, с последующим коллапсом Земли, уже было скорее жирной точкой ваших же планов. Только вот нахрена это всё было нужно устраивать и натравливать людей друг на друга, вы сами так и не понимаете до сих пор. Фальшивые дешёвки»

— После извержения температура воздуха на всей терри-

тории планеты упала на двадцать один градус — доносился печальный голос, сопровождающий кадры хроники. — Видимость на столетия стала не более полуметра... Наступила эпоха ядерной зимы

Тим огляделся и, различив в полумраке привычные кислые физиономии поникших зрителей, пригнулся и шустро выскользнул в коридор. Этот трюк он научился проделывать, когда рассчитал, что при заполнении зала на четыреста человек, составлявших почти четверть колонистов их блока, надо приходиться одним из последних. Тогда тебе достаётся место почти у входа и можно спокойно улизнуть, не дожидаясь конца надоевшей хроники.

«Чао, стадо! — привычно ухмыльнулся Тим, быстро следуя в сторону горизонтальных пневмо-лифтов по тускло освещённому тоннелю. — Сидеть покорно с вами уже обрыдло. Сейчас самое время испробовать в системе профессора мою безделушку, а там посмотрим. Вдруг она сработает?...»

Блок, где был прикреплён Тим, после сдачи тестов и получения профессионального аттестата программиста, был на двенадцатом уровне Лунной базы. Здесь располагались почти все типы знаковых лабораторий энергоснабжения и защиты от радиации. Этот факт при распределении сначала порадовал, но потом стеклянные стены и серо-бежевые коридоры тоннелей стали вызывать раздражение своей тоскливой монотонностью. Тим, уже после года службы, с тоской вспо-

минал крошечные лужайки бледно-зелёной травы с блеклыми цветочками, которые окружали жилища корневого населения, где он часто, будучи школьником и потом студентом, гостил у родителей. Да, его родители были почти элитой, но дальше собственного, обвитого плющом крохотного домика в три комнаты на тридцать втором уровне дело не пошло.

Здесь градация значимости не строилась по принципу: чем выше к поверхности обитает колонист, тем он успешней. Наоборот, из ста восьмидесяти семи этажей в четверть километра высотой каждый, полностью опутавшие Луну, элитными считались как раз срединные, а не верхние или нижние уровни, и все важные персоны лунного человечества заселялись с тридцатого по семидесятый этажи. В этих слоях обитания весь дизайн тоннелей и зданий выстраивался с учётом психологических концепций – пастельные тёплые тона, создающие состояние умиротворения и покоя. А каллиграфические росписи золотом и глазурью некоторых стен зданий и тоннелей придавали тонкий шик. Также эти уровни были чуть ли не единственными, где произрастали натуральные травы, карликовые деревья и даже фруктовые растения.

С семьдесят первого по семьдесят третий уровни располагались ясли, куда отдавали с трёх месяцев всех естественно рождённых. Здесь всё оформление было насыщено сочной колористикой, чуть смягчая яркость к уровням детских садов и начальной школы на последующих нижних этажах колонии.

Затем следовали жилые уровни инженеров, рабочих и прочего обслуживающего персонала.

Самые последние десятки слоёв обитания были заполнены оранжерейными и тепличными угожьями, включая животноводство. Какого цвета там были стены и тоннели для переброски продуктов, Тима совершенно не интересовало. Ему было важнее пробиться хотя бы в управленческие уровни ниже двадцать пятого, чтобы жизнь не была такой уныло однообразной. Ежедневная муштра со спортивной подготовкой, помимо постоянной загрузки работой программистов их блока, за последние пять лет вымотали донельзя.

Нет, Тим, конечно же, пользовался привилегиями своих родителей, позволяющие ему спускаться к ним раз в три месяца для встречи. Но каждый раз он замечал, что и отец, и мать, всё более сдержанно общаются с ним и идиллией семейного благополучия здесь уже и не пахло. Поэтому он твёрдо решил рассчитывать только на собственные силы, отчего с головой погрузился в работу, осваивая и внедряя все технические новинки. Сейчас одну из таких его личных разработок ему просто не терпелось опробовать на сверхмощном компьютере.

С этими мыслями он ускорил шаг и, размечтавшись, не обратил внимания, как из другого рукава тоннеля за ним быстро поспешил надзиратель.

— Тимофей Лопес! — раздался за спиной тихий, но грозный оклик. — Куда это ты с занятий направился?

Тим дико не любил своё полное имя. Со слов его родителей, почётных правнуков первых переселенцев, значило оно что-то архи важное по родословной матери. И ещё оно означало, что он натурально рождённый, а не клон из пробирки, которым давали имена с номерами. Для него же имя Тимофей, словно пахло химикатами отхожих мест, на работу в которые он пару раз попадал за своё неповиновение. Сейчас, услышав окрик, Тим тут же остановился, вытянулся по струнке, став визуальнее ещё выше своих среднестатистических метра восемьдесят, и вышколено прижал ладони к рёбрам серого комбинезона, раздвинув локти и задрал подбородок. В завершение он браво щёлкнул каблуками пластиковых берцев, отливающих чёрным лаком на вставках по бокам.

— Господин командир! — чеканно рапортовал Тим, — Я направляюсь в лабораторию на плановое дежурство!

Высокий, затянутый в чёрный текстолитовый комбинезон мужчина, с зализанными назад вьющимися чёрными волосами, медленно подошёл и уставился холодными миндалевидными глазами в лицо Тима. Чуть растянув тонкие губы в хитрой улыбке, он произнёс негромко, склоняясь к уху юноши:

— Ты не думай, что в твои двадцать лет тебя не смогут приговорить к распылению. Пара нарушений у тебя уже есть, а сделать третье, и очень суровое — понизил голос надзиратель, — мне не составит особого труда А то разбаловали вас,

учёных Подчиняться здесь нужно нам, зрителям Корчите из себя знаковых. А так, хоть послужите полезным удобрением для почвы, хм

Тим судорожно соображал в поисках аргументов, потому что увидел, что сегодня он нарвался на Аджая Луца, одного из самых въедливых надзирателей, и по слухам — самого отъявленного садиста, умеющего избивать до полусмерти непокорных своим хлыстом с титановым напылением.

Надзиратель Аджай тем временем обходил Тима по кругу, потирая смуглую щёку и изредка похлопывая по многочисленным карманам комбинезона юноши.

— Профессор Криповский меня направил лично! — побледнев как полотно, почти выкрикнул Тим и, секунду подумав, добавил, — Господин командир могут сами запросить у профессора эту информацию для подтверждения.

Тим выдал этот текст практически влёт, когда вспомнил, что всем зрителям, а надзирателям тем более, категорически запрещалось тревожить профессора по любому поводу. Причина была самой тривиальной: профессор находился в шаге от изобретения варп-двигателя, который позволит колонистам построить звездолёт и добраться до желанной «сестры Земли» — планеты Kepler-186 f, находящейся в пятистах световых годах. Это огромное расстояние составляло почти четырнадцать квадриллионов километров, которые нужно преодолеть со скоростью света. А при доступных скоростях существующих аппаратов возможность достичь пла-

нету составляла каких-то двадцать шесть миллионов лет.

Всё это Тим знал не понаслышке. Он отличался невероятной способностью хранить такие объёмы информации, которым могли бы позавидовать сверхновые кристалло-плазменные процессоры суперкомпьютеров.

Аджай недовольно поджал губы и презрительно дёрнул пальцами, словно отгоняя пылинку, что послужило сигналом Тиму быстро развернуться и почти чеканным шагом скрыться в ближайшем ответвлении тоннеля.

«Да это был риск, выдать такое — задыхаясь от пережитого, лихорадочно прокручивал мысли Тим. — Ну ничего Главное — успеть протестировать мою безделушку»

Легко преодолев все системные блокировки профессорского компьютера, Тим листал файлы с данными, сидя в кресле с активированными виртуальными клеммами на висках. Клеммы выглядели как небольшие прямоугольные стикеры, прикреплённые к коже. В момент активации головного мозга при подключении к любому системному блоку компьютера или модулю базы, они светились тонкими серебристыми линиями схем. Когда же сеанс коммуникации заканчивался и происходило отключение, стикеры тут же гасли, выдавая блёклый рисунок из тончайших вен. Со стороны это выглядело как небольшое затемнение в височной части человека, но колонисты уже не замечали этого нюанса. Те из них, кто был причастен к работе с компьютерами общей сети, наоборот, старались выделить свою принадлежность к

этому особому классу обитателей. Отклеить клеммы было невозможно, если не знать код доступа именно к этой паре стикеров, поэтому владельцы этих супергаджетов никогда с ними не расставались. Тим как раз был довольно мощным программистом и намеренно выбривал виски, подчёркивая контуры клемм на бледной коже.

Сейчас перед его глазами проносился виртуальный поток символов, среди которых предстояло отыскать необходимые для осуществления своей задумки. Наконец, увидев нужные строки, он быстро достал из нагрудного кармана плоскую полупрозрачную пластину, чуть меньше ладони по размеру, и вставил её в сложное переплетение мутно-белых соединений системного блока.

Тим знал, по слухам, что по распоряжению Криповского несколько раз отправляли экспедиции на Землю в разные временные точки, но ни один человек не вернулся. Это не давало покоя профессору, и он раз за разом убеждал совет, что как только будет получен хотя бы один положительный результат, то разработка варп-двигателя тут же сдвинется с мёртвой точки. Ведь мало кто отважится прыгать в неизвестность.

После подключения пластины перед глазами Тима вспыхнула схема с несколькими точками, обозначенными формулами. Он, трясущимися пальцами активизировал свой супергаджет. Вновь побежал поток символов, сопровождаемых быстро сменяющимися надписями:

«Точка перехода в червоточину 1 — копировать данные/отменить копирование».

«Точка перехода в червоточину 2 — копировать данные/отменить копирование».

«Точка перехода в червоточину 3»

Тим судорожно подтверждал копирование и его пластина с каждым прикосновением светилась всё сильнее.

Вдруг появился текст: «Осуществить вход в червоточину 1: да/нет»

Тим замер на мгновение, потому как внезапно осознал, что нашёл в тот самый модуль по отправке через время и расстояние. Следом прозвучал краткий перелив и Тим увидел красную надпись: «Слышь, баг — кладай: угу/нах».

Это был их внутренний сленг, который уже давно существовал в сообществе компьютерщиков, заменяя словечком «баг», используемые остальными старинные обращения «друг, товарищ, братан, чувак» и так далее. И означало этот только одно — его пластина внедрилась в систему и может ею управлять.

Руки Тима тряслись от нервного возбуждения, и он, тяжело дыша, нажал «угу» и продолжил удерживать палец на надписи. Спустя мгновение его окружила невероятной красоты природа, с сочной зелёной травой и высокими деревьями.

Тим вздрогнул от неожиданности и стал во все глаза рассматривать невероятную картинку. Затем подумал немного, отпустил «угу», и снова оказался в кабинете профессора с

развёрнутым экраном голограммы перед лицом и надписью: «Осуществить вход в червоточину 1: да/нет».

По голове и рукам Тима пробежали мурашки — он чётко осознал, что, над чем бился профессор Криповский, получилось именно у него, простого программиста, бывшего одним из команды разработчиков. Он побывал в прошлом и вернулся!

Несколько раз тяжело вздохнув, Тим протянул руку к пластине и тут же чуть не подпрыгнул от резкого ревуна тревоги, раздавшегося над самым ухом. Трясущимися пальцами он попытался взять пластину, но та будто застряла в молочных сплетениях системного блока. Тим ухватился за неё двумя руками и с силой потянул. Эффект был тем же, а звук ревуна гремел и гремел над головой. Холодный пот мгновенно выступил на лбу. Тим судорожно стряхнул его и по привычке поправил треугольную белобрысую чёлку, тараща свои голубые глаза на неподдающуюся пластину. Этот гаджет, который он создал в тайне ото всех, скрывал в себе самое главное открытие в жизни Тима. Теперь ни за что на свете он не хотел им делиться, так как эта пластина и есть тот шанс — вырваться из постылого мира вечных подвалов и давящих тоннелей, вместе со стадообразным обществом. Он хотел свободы!

Тим судорожно пытался вытянуть свой гаджет из системного блока, панически осознавая, что не миновать ему распыления, когда внезапно расслышал приближающийся то-

пот ног, между отрывистым ревуном тревоги. Перед его глазами всё ещё горела надпись: «Осуществить вход в червоточину 1: да/нет» и почти задыхаясь от ужаса, он протянул трясущуюся руку и нажал «да»

Начавшееся головокружение от обрушившихся запахов, заставило широко открыть глаза, отчего Тим, не сдерживаясь, заорал во всё горло. Это был крик ликования и восторга! То, что предстало взору, невозможно было описать! Тим молниеносно вспомнил все фильмы о Земле, о её красивейшей природе с лесами из высоченных деревьев, насекомых, кружившихся повсюду, ярко-зелёной травы, с россыпью мелких и ярких цветов. Всё это буйство красок так разительно отличалось от серых и бежевых стен тоннелей и жилищ Луны, что невозможно было сдержаться. Тим снова закричал, теперь уже от разрывающей его радости. Но вдруг за спиной он услышал грозный рёв, обернувшись на который, замер — на него, всего в нескольких шагах, смотрел огромный лохматый зверь, стоящий на задних лапах.

Горло Тима вмиг пересохло, и дикий страх, сжавший все внутренности в твёрдый, холодный комок, заставил его заржать от ужаса и броситься наугад в ближайшие кусты. Но не успел он пробежать и несколько шагов, как почувствовал мощнейший удар в спину и кубарем покатился по земле.

Глава 2

Дмитрий Захарович Злобин, или попросту Митяй, здоровенный бородатый увалень сорока трёх лет от роду, бодрым уверенным шагом продирался сквозь густую лесную чащу. Придерживая висевший на плече старенький штуцер, видимо, доставшийся в виде трофея от французских егерей после Крымской или, как её ещё называли Восточной войны, он досадливо морщился при каждом громком хрусте валежника и постоянно оглядывался назад. С посланным на его поимку особым казачьим отрядом удалась благополучно разминуться ещё вёрсты три назад, но всё равно шуметь было опасно. На что способны эти бравые казаки он узнал ещё лет двадцать назад, когда в рядах Московского пехотного полка участвовал в Первой обороне Севастополя. На память о тех славных временах у него остались два ранения да небольшая бронзовая медаль на георгиевской ленте, полученная за короткую, но яростную стычку во время ночной вылазки из бастиона.

Но это всё уже давно в прошлом. Сейчас Митяй беглый каторжник за поимку которого вполне можно получить целое состояние — мешок муки, а то и сахара.

Как же случилось, что потомственный крестьянин из Московской губернии дошёл до такой жизни?

Этим вопросом Митяй задавался последние полтора года,

пока брёл длинным пешим этапом по Владимирскому тракту от Рогожской заставы до самого Тобольска. А там, опостылевшие за это время тяжеленные пудовые кандалы, наконец, сняли, и он бежал при первой же оказии.

Во всех его бедах виновата была водка проклятая. Принорочился он в зимнее время, перебираться в город, где нанимался на кирпичный завод к купцу и промышленнику Куприянову. И однажды в хмельном угаре подрался с двумя приказчиками из мясной лавки, да не разобрав в толчее и суматохе полутёмного кабака кто перед ним, взял и заехал по уху городовому, вызванному для наведения порядка. Да не простому городовому, а высшего оклада. Послали за лекарем, да поздно — помер городовой.

Пять лет каторги ему отмерили.

А потом уже на этапе он взял да и обмишурился самым постыдным образом. Звенел рядом с ним кандалами один Иван, родства не помнящий. В бушлате новеньком, рубаха с шитым воротом, картуз заломленный, набок сдвинутый. Лихой малый, наглый, дерзкий, в себе уверенный. Стал он с Митяем разговоры длинные вести. И сумел-таки, стервец, уговорить его, шпанку неразумного, именами поменяться. Вроде как, всегда он хотел Митяем зваться. По рукам ударили, а потом оказалось, что каторга у того Ивана бессрочная. Храпы и поддувалы, что рядом брели, тут же пообещали: зарежут, ежели он кому проговорится. Что ему делать-то оставалось? Но не оставила его святая Бородица без заступниче-

ства. Сбежал! Да ещё и штуцер этот с собой прихватил. Зарядов, правда, совсем мало — всего-то на пяток выстрелов.

И вот мыкался он теперь который день по лесам здешним. Двух мужиков ограбить пришлось. Харчей-то нет совсем. За время пути их кормили исправно: сушёная рыба, хлеб да вода всегда были. А в больших городах, где этап останавливался на день-два для отдыха, даже давали горячую похлёбку — овощной суп или кашу. Сейчас же о пропитании приходилось заботиться самому. Хорошо ещё, что лес вполне способен прокормить умелого охотника. Но это сейчас, а зимой-то что? Придётся, наверное, прибиться к какой-нибудь отдалённой деревеньке да молится Господу нашему, чтобы не выдали.

Свой арестантский бушлат с большим жёлтым ромбом на спине он сменил первым делом. Очень уж приметный тот был. А вот что делать с волосами так и не придумал. Его ошельмовали (обрили справа пол головы) ещё в Москве, в Бутырской тюрьме, и вот совсем недавно в тюремном замке Тобольска. Выход тут был один - сбрить остатки волос, но незагорелая кожа на голове всё одно выдаст беглеца.

От дальнейших размышлений о своей нелёгкой судьбе Митяя отвлёк пронзительный крик и последовавший за ним грозный звериный рык. «Медведь, не иначе», — тут же смекнул Митяй и быстро сбросил с плеча свой штуцер. Привычно отмерил пороха, опустил в ствол пулю и тремя уверенными толчками шомпола насадил её на стержень в казеннике, рас-

плюшив таким образом, чтоб она плотнее прилегала к наре-зам. Он уже много лет не держал оружия в руках, но былую сноровку не растерял.

Митяй прекрасно понимал, что звук выстрела может привлечь внимание казачьего разъезда и дал себе зарок стрелять только в самом крайнем случае.

Торопливо преодолев с полсотни шагов, он зашёл к зверю с подветренной стороны и осторожно раздвинул стволом ружья густой высокий кустарник. Лёгкая улыбка скользнула по разохшимся, обветренным губам Митяя. Он увидел небольшого медвежонка, третьяк или пестун, пуда четыре весу. Нападать на вжавшегося в землю и побелевшего от страха парнишку в странном обтягивающем тело наряде он, конечно, не собирался. Обнюхав объект своего интереса, он вновь зарычал, должно быть ставя в известность непрошеного гостя о том, что это его владения. И даже встал на задние лапы, стараясь придать себе больше значимости, но на Митяя это не произвело ровным счётом никакого впечатления. Скорее стоило опасаться медведицы, которая, вполне возможно, находилась где-то неподалёку.

Митяй вышел из-за кустов и зарычал в ответ не менее грозно и сердито. Медвежонок повернулся в его сторону и, увидав здорового мужика с ружьём, решил, что не стбит мериться силами, и тут же бросился наутек, смешно косолапя и виляя задом.

Митяй рассмеялся. Парень, лет двадцати, быстро вско-

чил с земли, но сразу же опустился на четвереньки и зашарил в траве руками, видимо, отыскивая оброненную в суматохе вещь. Поиски продолжались недолго, и вскоре довольный возглас возвестил об успехе. Парнишка что-то торопливо спрятал в узкой прорези на своей одежде и поднялся на ноги. Митяй с интересом рассматривал странного высокого незнакомца: будучи почти с него ростом, вид тот имел какой-то бледный и худосочный. А парень, в свою очередь, вытаращил глаза и с диким ужасом смотрел на приближение незнакомого мужчину.

В это время в голове Тима яркой вспышкой предстал образ профессора Криповского и он не мог поверить такому сходству с этим странным, и с виду похожим на какого-то дикаря, мужиком в необычной мешковатой одежде. Но все черты лица приближающегося были практически полной копией выхолощенного лица Фиделя Криповского. Даже излом бровей, когда этот дикарь хмурился, полностью повторял мимику лунного профессора.

Тима бросило в жар от такого невероятного сходства, и он громко сглотнул горький ком в горле. На его бледном лбу выступил пот.

«Чухотка, не иначе», — подумал Митяй, глядя на странного юношу, но гораздо больше его заинтересовала его необычный наряд.

«А платье-то как исподнее — удивился он, окинув незнакомца быстрым пытливым взглядом, — Да, не сам он тут в

лесу... Видать, ему кто-то размахай устроил, а парнишка и сбег. Надо бы убираться отсюда подобру-поздорову. Не ровён час, и меня заметят»

— Вы вы так похожи на моего знакомого, — еле слышно выдавил юноша, продолжая смотреть испуганным взглядом. Но потом, словно решившись, тяжело вздохнул и уже чуть увереннее сказал, — Спасибо вам большое. Даже не знаю, как и благодарить... вас

— Пустое, барин. Завсегда рад. А ежели рублём одарите, так премного благодарен буду, — Митяй решил дать просто-го деревенского дурака и рассчитывал снять все ненужные вопросы.

— Да я Дело в том, что Я не «барин», — неуверенно промямлил юноша, а затем смутился и отвёл взгляд.

Митяй даже обрадовался такому повороту.

— Ну, прощайте тогда, ваше благородие, — он непроизвольно оглянулся по сторонам, но никакой опасности не заметил.

— Простите, не знаю как ваше имя, а вы не могли бы проводить меня к ближайшему городу?

Митяй удивлённо уставился на незнакомца. Эта просьба звучала по меньшей мере странно. И дело даже не в том, что до Тобольска бог знает сколько вёрст. Судя по всему, этот парень здесь один и понятия не имеет, о чём просит.

— Меня Митяем кличут, — задумчиво сказал беглый каторжник, — А уж что до ближайшего города, то не обессудь,

барин, тороплюсь я.

Глядя на растерянное лицо паренька, Митяй внутренне ухмыльнулся и, повесив штуцер за спину, продолжил свой путь.

Но не успел он пройти и десятка шагов, как трубный звериный рёв за спиной возвестил о том, что маленький медвежонок всё же был здесь не один. Митяй рывком сдёрнул ружьё с плеча, развернулся, вскидывая оружие, и успел заметить, как большой бурый медведь одним ударом лапы отбросил в сторону хлипкое тело паренька и, задрав морду вверх, снова взревел.

Французский штуцер не отличался особой меткостью, но с такого расстояния промахнуться было сложно. Митяй плавно потянул на себя спусковой крючок, но его большому удивлению выстрела не последовало. Осечка! То ли порох отсырел, то ли ударный замок поизносился, но размышлять над этим сейчас попросту не было времени. Понимая, что в любом случае не успеет перезарядить ружьё, Митяй отбросил ставшее бесполезным оружие в сторону и потянул из-за голенища сапога нож с длинным лезвием и удобной костяной рукоятью.

Против такого зверя это, конечно, не оружие. Оставалась ещё надежда, что медведь довольствуется лежащим неподвижно незнакомцем и не станет нападать. Тогда есть шанс отступить потихоньку назад и попросту сбежать, пока хозяин леса будет занят поеданием этого парнишки.

Митяй замер неподвижно, чтоб не провоцировать зверя, но медведь, кажется, даже не обратил на него внимания. Он поводит мордой из стороны в сторону приносясь и заложив уши назад. Затем коротко рыкнул и бросился в сторону Митяя с проворством, непостижимым для такой неуклюжей туши. Разделяющее их расстояние он покрыл буквально за несколько длинных прыжков. Страшное утробное рывканье раздавалось из его пасти каждый раз, когда он отталкивался от земли.

Митяй перепугался не на шутку, но всё же нашёл в себе силы отскочить в самый последний момент, каким-то невероятным чудом увернувшись от оскаленной пасти и острых когтей зверя. Поняв, что промахнулся и добыча ускользнула из-под самого носа, медведь тут же затормозил, развернулся на месте и, привстав на задние лапы, грозно зарычал.

Митяй помнил слышанную ещё в детстве историю одного старого охотника, которому однажды удалось зарезать медведя ножом. Тот советовал бить в сердце под лопатку. Но попробуй подберись к этой самой лопатке, когда одного удара мощной когтистой лапы за глаза хватит любому богатырю.

Мысленно воззвав к Господу нашему, Митяй ловко кувыркнулся по земле рядом со зверем и, оказавшись у него за спиной, всадил ему нож по самую рукоять куда-то в бок и тут же отпрыгнул в сторону, спрятавшись за стволом ближайшего дерева. Медведь снова взревел, и Митяй успел во всех подробностях рассмотреть окровавленную пасть с крупны-

ми жёлтыми клыками. Внезапно зверь оборвал свой рык и, встав на четвереньки, неуклюже попятился назад. Потом опять злобно рыкнул и скрылся в ближайших зарослях. Митяй шумно перевёл дух, и, всё ещё не веря в своё спасение, бросился к ружью. Хруст ломающихся веток и недовольное рычание явно отдалялись, но о коварстве этого хищника испокон веков слагали самые настоящие легенды. Вполне может и вернуться.

Внимательно осмотрев своё оружие и пощёлкав курком, Митяй никаких поломок не обнаружил. Вероятнее всего, дело было всё-таки в порохе. Теперь на штуцер надежды никакой. Он повесил ружьё на плече и подошёл к пареньку. Тот всё ещё был без сознания. Митяй легонько пнул его сапогом в бок, отчего он сразу же застонал и открыл глаза.

— Вставай, барин. Уходить надо. Не ровён час вернётся косолапый.

Незнакомец некоторое время лежал неподвижно, затем попытался встать, пошатнулся, но Митяй, ухватив его за ворот, поддержал. Парнишка снова застонал и, скривившись, произнёс что-то вовсе не понятное. Беглый каторжник коротко хмыкнул себе под нос и заспешил прочь. Возиться с этим, неведь откуда взявшимся, пареньком не хотелось. Тот неуклюже семенил следом, постоянно бубня что-то неразборчивое и пытаясь на ходу рассмотреть свою рану. Митяй пару раз оглянулся на увязавшегося за ним незнакомца, но ничего не сказал. Можно было, конечно, указать ему направ-

ление на ближайшую деревеньку, да ведь не дойдёт он. По всему видать — городской

Небольшой шалаш, сплетённый из тонких прутьев, Митяй разглядел издали. Могучая вековая лиственница, стоявшая посреди поляны в окружении молодой поросли, свешивала мощные раскидистые ветви почти до земли, и сама по себе уже была неплохим укрытием от непогоды. Буквально в нескольких шагах от толстого ствола дерева на поверхность пробивался мелкий ручеёк, заботливо обустроенный невесть откуда принесёнными крупными плоскими камнями. Вытопанная трава перед шалашом и куча старой золы от костра говорили, что это место частенько используется местными охотниками или грибниками. Значит, где-то неподалёку, должно быть, ещё какое-то поселение. Митяй оглянулся на отставшего паренька и решил, что для ночлега место вполне подходящее. Вскоре начнёт темнеть, а у него из припасов только пара горстей пшена в тощем узелке. Самое время побеспокоиться об ужине. Митяй быстро развёл костёр и извлёк из заплечного мешка небольшой потёртый казанок.

В этот момент рядом с костром на землю бухнулся тяжело дышащий незнакомец. Выглядел он совсем больным и обессиленным. Бледное худое лицо, сплошь покрытое мелкими бисеринками пота, тёмные круги под красными воспалёнными глазами и яркие пятна какого-то странного, неестественного румянца на впалых щеках.

Митяй набрал воды в котелок и пристроил его над костром. Затем подсел к упавшему пареньку и неторопливо осмотрел его рану. Странно, но кроме глубоких царапин, оставленных когтями медведя, никаких повреждений не было. Может, внутри что

Митяй не был врачом и об анатомии имел самое смутное представление, но то, что этот паренёк болен было ясно и так.

Глава 3

Дмитрий Захарович Злобин, или попросту Митяй, здоровенный бородатый увалень сорока трёх лет от роду, бодрым уверенным шагом продирался сквозь густую лесную чащу. Придерживая висевший на плече старенький штуцер, видимо, доставшийся в виде трофея от французских егерей после Крымской или, как её ещё называли Восточной войны, он досадливо морщился при каждом громком хрусте валежника и постоянно оглядывался назад. С посланным на его поимку особым казачьим отрядом удалась благополучно разминуться ещё вёрсты три назад, но всё равно шуметь было опасно. На что способны эти brave казаки он узнал ещё лет двадцать назад, когда в рядах Московского пехотного полка участвовал в Первой обороне Севастополя. На память о тех славных временах у него остались два ранения да небольшая бронзовая медаль на георгиевской ленте, полученная за короткую, но яростную стычку во время ночной вылазки из бастиона.

Но это всё уже давно в прошлом. Сейчас Митяй беглый каторжник за поимку которого вполне можно получить целое состояние — мешок муки, а то и сахара.

Как же случилось, что потомственный крестьянин из Московской губернии дошёл до такой жизни?

Этим вопросом Митяй задавался последние полтора года,

пока брёл длинным пешим этапом по Владимирскому тракту от Рогожской заставы до самого Тобольска. А там, опостылевшие за это время тяжеленные пудовые кандалы, наконец, сняли, и он бежал при первой же оказии.

Во всех его бедах виновата была водка проклятая. Приноровился он в зимнее время, перебираться в город, где нанимался на кирпичный завод к купцу и промышленнику Куприянову. И однажды в хмельном угаре подрался с двумя приказчиками из мясной лавки, да не разобрав в толчее и суматохе полутёмного кабака кто перед ним, взял и заехал по уху городовому, вызванному для наведения порядка. Да не простому городовому, а высшего оклада. Послали за лекарем, да поздно — помер городовой.

Пять лет каторги ему отмерили.

А потом уже на этапе он взял да и обмишурился самым постыдным образом. Звенел рядом с ним кандалами один Иван, родства не помнящий. В бушлате новеньком, рубаха с шитым воротом, картуз заломленный, набок сдвинутый. Лихой малый, наглый, дерзкий, в себе уверенный. Стал он с Митяем разговоры длинные вести. И сумел-таки, стервец, уговорить его, шпанку неразумного, именами поменяться. Вроде как, всегда он хотел Митяем зваться. По рукам ударили, а потом оказалось, что каторга у того Ивана бессрочная. Храпы и поддувалы, что рядом брели, тут же пообещали: зарежут, ежели он кому проговорится. Что ему делать-то оставалось? Но не оставила его святая Бородица без заступниче-

ства. Сбежал! Да ещё и штуцер этот с собой прихватил. Зарядов, правда, совсем мало — всего-то на пяток выстрелов.

И вот мыкался он теперь который день по лесам здешним. Двух мужиков ограбить пришлось. Харчей-то нет совсем. За время пути их кормили исправно: сушёная рыба, хлеб да вода всегда были. А в больших городах, где этап останавливался на день-два для отдыха, даже давали горячую похлёбку — овощной суп или кашу. Сейчас же о пропитании приходилось заботиться самому. Хорошо ещё, что лес вполне способен прокормить умелого охотника. Но это сейчас, а зимой-то что? Придётся, наверное, прибиться к какой-нибудь отдалённой деревеньке да молится Господу нашему, чтобы не выдали.

Свой арестантский бушлат с большим жёлтым ромбом на спине он сменил первым делом. Очень уж приметный тот был. А вот что делать с волосами так и не придумал. Его ошельмовали (обрили справа пол головы) ещё в Москве, в Бутырской тюрьме, и вот совсем недавно в тюремном замке Тобольска. Выход тут был один - сбрить остатки волос, но незагорелая кожа на голове всё одно выдаст беглеца.

От дальнейших размышлений о своей нелёгкой судьбе Митяя отвлёк пронзительный крик и последовавший за ним грозный звериный рык. «Медведь, не иначе», — тут же смекнул Митяй и быстро сбросил с плеча свой штуцер. Привычно отмерил пороха, опустил в ствол пулю и тремя уверенными толчками шомпола насадил её на стержень в казеннике, рас-

плющив таким образом, чтоб она плотнее прилегала к наредам. Он уже много лет не держал оружия в руках, но былую сноровку не растерял.

Митяй прекрасно понимал, что звук выстрела может привлечь внимание казачьего разъезда и дал себе зарок стрелять только в самом крайнем случае.

Торопливо преодолев с полсотни шагов, он зашёл к зверю с подветренной стороны и осторожно раздвинул стволом ружья густой высокий кустарник. Лёгкая улыбка скользнула по разохшимся, обветренным губам Митяя. Он увидел небольшого медвежонка, третьяк или пестун, пуда четыре весу. Нападать на вжавшегося в землю и побелевшего от страха парнишку в странном обтягивающем тело наряде он, конечно, не собирался. Обнюхав объект своего интереса, он вновь зарычал, должно быть ставя в известность непрошеного гостя о том, что это его владения. И даже встал на задние лапы, стараясь придать себе больше значимости, но на Митяя это не произвело ровным счётом никакого впечатления. Скорее стоило опасаться медведицы, которая, вполне возможно, находилась где-то неподалёку.

Митяй вышел из-за кустов и зарычал в ответ не менее грозно и сердито. Медвежонок повернулся в его сторону и, увидав здорового мужика с ружьём, решил, что не стбит мериться силами, и тут же бросился наутек, смешно косолапя и виляя задом.

Митяй рассмеялся. Парень, лет двадцати, быстро вско-

чил с земли, но сразу же опустился на четвереньки и зашарил в траве руками, видимо, отыскивая оброненную в суматохе вещь. Поиски продолжались недолго, и вскоре довольный возглас возвестил об успехе. Парнишка что-то торопливо спрятал в узкой прорези на своей одежде и поднялся на ноги. Митяй с интересом рассматривал странного высокого незнакомца: будучи почти с него ростом, вид тот имел какой-то бледный и худосочный. А парень, в свою очередь, вытаращил глаза и с диким ужасом смотрел на приближение незнакомого мужчину.

В это время в голове Тима яркой вспышкой предстал образ профессора Криповского и он не мог поверить такому сходству с этим странным, и с виду похожим на какого-то дикаря, мужиком в необычной мешковатой одежде. Но все черты лица приближающегося были практически полной копией выхолощенного лица Фиделя Криповского. Даже излом бровей, когда этот дикарь хмурился, полностью повторял мимику лунного профессора.

Тима бросило в жар от такого невероятного сходства, и он громко сглотнул горький ком в горле. На его бледном лбу выступил пот.

«Чухотка, не иначе», — подумал Митяй, глядя на странного юношу, но гораздо больше его заинтересовала его необычный наряд.

«А платье-то как исподнее — удивился он, окинув незнакомца быстрым пытливым взглядом, — Да, не сам он тут в

лесу... Видать, ему кто-то размахай устроил, а парнишка и сбег. Надо бы убираться отсюда подобру-поздорову. Не ровён час, и меня заметят»

— Вы вы так похожи на моего знакомого, — еле слышно выдавил юноша, продолжая смотреть испуганным взглядом. Но потом, словно решившись, тяжело вздохнул и уже чуть увереннее сказал, — Спасибо вам большое. Даже не знаю, как и благодарить... вас

— Пустое, барин. Завсегда рад. А ежели рублём одарите, так премного благодарен буду, — Митяй решил дать просто-го деревенского дурака и рассчитывал снять все ненужные вопросы.

— Да я Дело в том, что Я не «барин», — неуверенно промямлил юноша, а затем смутился и отвёл взгляд.

Митяй даже обрадовался такому повороту.

— Ну, прощайте тогда, ваше благородие, — он непроизвольно оглянулся по сторонам, но никакой опасности не заметил.

— Простите, не знаю как ваше имя, а вы не могли бы проводить меня к ближайшему городу?

Митяй удивлённо уставился на незнакомца. Эта просьба звучала по меньшей мере странно. И дело даже не в том, что до Тобольска бог знает сколько вёрст. Судя по всему, этот парень здесь один и понятия не имеет, о чём просит.

— Меня Митяем кличут, — задумчиво сказал беглый каторжник, — А уж что до ближайшего города, то не обессудь,

барин, тороплюсь я.

Глядя на растерянное лицо паренька, Митяй внутренне ухмыльнулся и, повесив штуцер за спину, продолжил свой путь.

Но не успел он пройти и десятка шагов, как трубный звериный рёв за спиной возвестил о том, что маленький медвежонок всё же был здесь не один. Митяй рывком сдёрнул ружьё с плеча, развернулся, вскидывая оружие, и успел заметить, как большой бурый медведь одним ударом лапы отбросил в сторону хлипкое тело паренька и, задрав морду вверх, снова взревел.

Французский штуцер не отличался особой меткостью, но с такого расстояния промахнуться было сложно. Митяй плавно потянул на себя спусковой крючок, но его большому удивлению выстрела не последовало. Осечка! То ли порох отсырел, то ли ударный замок поизносился, но размышлять над этим сейчас попросту не было времени. Понимая, что в любом случае не успеет перезарядить ружьё, Митяй отбросил ставшее бесполезным оружие в сторону и потянул из-за голенища сапога нож с длинным лезвием и удобной костяной рукоятью.

Против такого зверя это, конечно, не оружие. Оставалась ещё надежда, что медведь довольствуется лежащим неподвижно незнакомцем и не станет нападать. Тогда есть шанс отступить потихоньку назад и попросту сбежать, пока хозяин леса будет занят поеданием этого парнишки.

Митяй замер неподвижно, чтоб не провоцировать зверя, но медведь, кажется, даже не обратил на него внимания. Он поводит мордой из стороны в сторону приносясь и заложив уши назад. Затем коротко рыкнул и бросился в сторону Митяя с проворством, непостижимым для такой неуклюжей туши. Разделяющее их расстояние он покрыл буквально за несколько длинных прыжков. Страшное утробное рывканье раздавалось из его пасти каждый раз, когда он отталкивался от земли.

Митяй перепугался не на шутку, но всё же нашёл в себе силы отскочить в самый последний момент, каким-то невероятным чудом увернувшись от оскаленной пасти и острых когтей зверя. Поняв, что промахнулся и добыча ускользнула из-под самого носа, медведь тут же затормозил, развернулся на месте и, привстав на задние лапы, грозно зарычал.

Митяй помнил слышанную ещё в детстве историю одного старого охотника, которому однажды удалось зарезать медведя ножом. Тот советовал бить в сердце под лопатку. Но попробуй подберись к этой самой лопатке, когда одного удара мощной когтистой лапы за глаза хватит любому богатырю.

Мысленно воззав к Господу нашему, Митяй ловко кувыркнулся по земле рядом со зверем и, оказавшись у него за спиной, всадил ему нож по самую рукоять куда-то в бок и тут же отпрыгнул в сторону, спрятавшись за стволом ближайшего дерева. Медведь снова взревел, и Митяй успел во всех подробностях рассмотреть окровавленную пасть с крупны-

ми жёлтыми клыками. Внезапно зверь оборвал свой рык и, встав на четвереньки, неуклюже попятился назад. Потом опять злобно рыкнул и скрылся в ближайших зарослях. Митяй шумно перевёл дух, и, всё ещё не веря в своё спасение, бросился к ружью. Хруст ломающихся веток и недовольное рычание явно отдалялись, но о коварстве этого хищника испокон веков слагали самые настоящие легенды. Вполне может и вернуться.

Внимательно осмотрев своё оружие и пощёлкав курком, Митяй никаких поломок не обнаружил. Вероятнее всего, дело было всё-таки в порохе. Теперь на штуцер надежды никакой. Он повесил ружьё на плече и подошёл к пареньку. Тот всё ещё был без сознания. Митяй легонько пнул его сапогом в бок, отчего он сразу же застонал и открыл глаза.

— Вставай, барин. Уходить надо. Не ровён час вернётся косолапый.

Незнакомец некоторое время лежал неподвижно, затем попытался встать, пошатнулся, но Митяй, ухватив его за ворот, поддержал. Парнишка снова застонал и, скривившись, произнёс что-то вовсе не понятное. Беглый каторжник коротко хмыкнул себе под нос и заспешил прочь. Возиться с этим, неведь откуда взявшимся, пареньком не хотелось. Тот неуклюже семенил следом, постоянно бубня что-то неразборчивое и пытаясь на ходу рассмотреть свою рану. Митяй пару раз оглянулся на увязавшегося за ним незнакомца, но ничего не сказал. Можно было, конечно, указать ему направ-

ление на ближайшую деревеньку, да ведь не дойдёт он. По всему видать — городской

Небольшой шалаш, сплетённый из тонких прутьев, Митяй разглядел издали. Могучая вековая лиственница, стоявшая посреди поляны в окружении молодой поросли, свешивала мощные раскидистые ветви почти до земли, и сама по себе уже была неплохим укрытием от непогоды. Буквально в нескольких шагах от толстого ствола дерева на поверхность пробивался мелкий ручеёк, заботливо обустроенный невесть откуда принесёнными крупными плоскими камнями. Вытопанная трава перед шалашом и куча старой золы от костра говорили, что это место частенько используется местными охотниками или грибниками. Значит, где-то неподалёку, должно быть, ещё какое-то поселение. Митяй оглянулся на оставшего паренька и решил, что для ночлега место вполне подходящее. Вскоре начнёт темнеть, а у него из припасов только пара горстей пшена в тощем узелке. Самое время побеспокоиться об ужине. Митяй быстро развёл костёр и извлёк из заплечного мешка небольшой потёртый казанок.

В этот момент рядом с костром на землю бухнулся тяжело дышащий незнакомец. Выглядел он совсем больным и обессиленным. Бледное худое лицо, сплошь покрытое мелкими бисеринками пота, тёмные круги под красными воспалёнными глазами и яркие пятна какого-то странного, неестественного румянца на впалых щеках.

Митяй набрал воды в котелок и пристроил его над костром. Затем подсел к упавшему пареньку и неторопливо осмотрел его рану. Странно, но кроме глубоких царапин, оставленных когтями медведя, никаких повреждений не было. Может, внутри что

Митяй не был врачом и об анатомии имел самое смутное представление, но то, что этот паренёк болен было ясно и так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.